

Я убью её. Я точно убью эту собаку.

Всё правильно: начало шестого. И так уже третий день, точнее – утро. И с чего им вздумалось завести собаку? Третье утро я просыпаюсь от дикого воя. И разве это вой? Нет, это совершенно другое, это не то, что не выпустили погулять собачку или не дали колбаски – тут другое.

Да, я тоже ненавижу рассвет. Всё рождается в муках – день, ребёнок, мир. Всё обречено жить. Но до такого я не доходил, наверное, это последняя стадия. Звук рождается не просто по хотению или желанию, а наоборот – вопреки. Звук рождается в каждой клеточке, это именно не утроба воем, а каждая клеточка. И это рождается против желания, потому что если захотеть, ничего не получится.

Надо бороться против этого звука, надо стискивать зубы, кусать губы в кровь, надо давить, давить его, и если вдруг это прорвётся, получится звук. Но сначала надо, чтобы звук родился.

Первое утро я ещё терпел. Тогда я проснулся от страшного сна. Но это был не тот страх, когда тебя кто-то настигает или ты медленно скатываешься с гладкой крыши, это иной страх – страх неизбежной неизвестности. И оттого, что это и неизбежность, и неизвестность одновременно, страх достигает высшей своей степени – животного ужаса.

Я проснулся и пытался вспомнить, что вызвало страх, и тут завyla собака. Услышав её, я даже немного обрадовался, потому что понял, что есть ещё обречённее меня: если моё ощущение страха пришло из сна, то собака знала его в яви... Ей было гораздо хуже, чем мне, и я пожалел её. Как только рассвело, собака умолкла.

На следующее утро этот вой вызвал у меня раздражение. И без того было слишком много проблем, чтобы ещё по утрам о них напоминали подобным образом.

В третье утро я попробовал подвыть. Но я сам пробовал, звук не родился во мне, и собака меня не услышала. Я принял душ, выпил кофе и включил телевизор. По телевизору передавали новости, новости были мне безразличны, и это немного отвлекло.

Прежде чем идти на работу, я поднялся на шестой этаж соседнего подъезда и остановился перед старой дверью. За дверью было тихо. Я позвонил. Из-за двери не доносилось ни звука. Это меня удивило. Я позвонил ещё раз – ни звука. Я пожал плечами, но, направив-

шись к лифту, услышал, что дверь за моей спиной открывается. Я обернулся. На площадку из соседней двери вышла женщина с авоськой. Я шагнул к ней, она с опаской на меня посмотрела.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Извините, вы не скажете, кто живёт в этой квартире?

Женщина облегчённо вздохнула, вид у неё стал поувереннее.

— А зачем вам?

— Понимаете, я сосед, живу в соседнем подъезде, и вот уже третье утро за стеной воеет собака.

— Собака?

— Да. Она мне надоела, как собака, то есть она-то, конечно, и есть собака, но она там воеет, и мне это здорово надоело.

— Но у тётки Тани нет собаки.

— Тётки Тани? Её зовут тётя Таня? А куда она могла деться? Я звоню, и никто не открывает.

— Не знаю. Вообще, она часто ездит к родственникам в деревню, может, уехала. Я не знаю.

— Но не могла же она уехать и оставить собаку. Может, там что-то случилось?

— Я же вам сказала: у неё нет собаки.

— Но вот уже третье утро...

— Не знаю, – женщина решительно направилась к лифту, – мы никакой собаки не слышим. Мы спим хорошо.

Женщина уехала. Я потоптался возле двери, подёргал за ручку, позвонил ещё раз и ушёл.

Соседка могла не знать, что у тётки Тани есть собака. Что вообще мы знаем о соседях? Эта хоть знает, как зовут соседку, и что та часто ездит в деревню к родственникам, а я вот не знаю, как зовут моего соседа по лестничной площадке. Раз я помог погрузить ему в лифт новенький холодильник да три месяца назад, когда справлял новоселье, брал у него табуретки. Один старичок, из тех, что вечно курят возле подъезда, однажды зачем-то поздоровался со мной, и мы теперь обречены здороваться до чьей-либо – его или моей – смерти. Так что про собаку соседка может и не знать. Да и не обязательно, чтобы они слышали собаку, наверняка они спят в комнате, которая не имеет общей стены с тётки-Таниной. Общая стена-то у меня. К тому же они хорошо спят. Люди, которые хорошо спят, всегда вызывали у меня лёгкую зависть.

Но не может же три дня подряд мерещиться одно и то же?!

К вечеру я напился. Эти несколько дней совсем выбили меня из колеи. И дело не в собаке. Дело совсем не в собаке. Хотя и в ней, конечно, тоже, но у меня было слишком много проблем – и я напился.

В пять часов я проснулся, как просыпается солдат за несколько секунд до подъёма. Я прислушался и услышал, как за стеной тикают часы. Вдруг что-то прошебуршало. Я насторожился, и собака завыла. Я сел на диване, зажал уши руками, и, видимо, у меня что-то получилось. Сам я не слышал, но понял, что что-то получилось, по тому, как завизжала Ленка. Я обернулся, наверное, я для неё сейчас был тем, чем была для меня собака. Ленка вжалась в угол дивана и смотрела на меня дикими глазами.

Я улыбнулся.

— Ты что? – спросил я.

По-моему, она дрожала. Дрожь была лёгкая, как зыбь на воде.

— Успокойся. Это же не я, это собака, понимаешь? Ты послушай: за стеной, за стеной, ты слышишь? Тётя Таня уехала к родственникам, а пёсика оставила, и тот теперь воеет, ему плохо одному. Неужели ты не слышишь? А может, ты тоже хорошо спишь?

Ленка вскочила и стала одеваться. Было похоже на то, как раньше, когда я был «дедуш-

кой», мы от скуки прикалывались над «молодыми», выполнявшими команду «сорок пять секунд».

— Куда ты? Время половина шестого, – я искренне пытался её успокоить, но, кажется, добился противоположного. Ленка схватила сумочку и уже в дверях крикнула:

— Ты псих! – и, разумеется, очень сильно этой дверью хлопнула.

Ну и чёрт с ней. Я пнул оставшиеся после бегства трусики, подошёл и прижался к стене.

— Собака, вот мы и снова одни, наверное, это хорошо. Или, по крайней мере, правильно. Ты вой, вой... У тебя хорошо получается. Мне даже нравится. Мне очень нравится, как ты воешь, – и я со всей силы стукнул по стене кулаком.

Утром я отправился в ЖЭК и объяснил всё сидящей за столом милой женщине. Та смотрела на меня недоверчиво, очень похоже на ту женщину из соседнего подъезда, которая хорошо спит. Я действительно несколько раз сбивался и, может быть, говорил не о том, но, кажется, я рассказал всё более-менее. Она попросила меня подождать, вышла, и её не было минут пятнадцать.

— Идите домой, – сказала она как можно ласковее, словно укладывала меня спать, – а мы всё решим.

— Спасибо, – ответил я и поднялся.

— Вам спасибо, что предупредили, – сказала она.

— До свиданья.

Я направился в военкомат. В военкомате я зашёл к начальнику. Из-за стола навстречу поднялся подполковник. Мы пожали друг другу руки. Подполковник внимательно посмотрел на меня.

— Вам звонили сейчас из ЖЭКа?

— Да.

— Честное слово, я нормальный. Вы зря ей сказали, что я стою на учёте.

— Она что, при вас звонила?

— Нет, из соседней комнаты. Но у меня великолепный слух. Меня, может, из-за слуха туда и взяли. Слух отличный, и я слышу, как за стеной в начале шестого воеет собака.

— Она обещала узнать.

— Нет, она ничего не будет делать, вы же сказали ей, что я стою на учёте. Хотя это никакого значения не имеет, все, кто оттуда приходят, стоят на учёте. Вы знаете.

— А если вам действительно кажется?

— Я заплачу – и за замок, и за дверь. Просто я хочу сделать всё законно. Неужели вы думаете, что я не смогу открыть дверь сам?

— Хорошо, – сказал подполковник и стал звонить в ЖЭК.

Это был хороший подполковник. Я видел, как ему не хотелось звонить в ЖЭК и вообще заниматься всем этим, но он оказался молодцом.

— Поехали, – сказал он, когда кончил говорить по телефону.

Мы заехали в ЖЭК и минут двадцать прождали, пока найдётся слесарь. Ещё с нами поехала та самая милая женщина, которая делала вид, что ей на всё наплевать, и что она уступила только из-за уважения к подполковнику, но эту кашу придётся расхлёбывать ему. Слесарю в самом деле было на всё наплевать, я видел, как он украдкой грыз семечки – очищал их от шелухи в кармане и, считая, что его никто не видит, бросал зёрнышки в рот. У подъезда нас ждал участковый. Вид у него был недовольный. Мы поднялись на шестой этаж.

— Это понятия, – кивнул подполковник.

Понятых было трое: две пожилые женщины и какой-то допризывник. Слесарь подошёл к замку, и тут я с ужасом понял, что никакой собаки нет. Да, именно так! Сейчас слесарь взламывает дверь, и мы войдём в пустую квартиру: запылившийся круглый стол, допотопный сервант с каким-нибудь выставленным на показ расписным подносом, кровать с горкой подушек – и никакой собаки.

Я представил, как подполковник оправдывается перед милой женщиной из ЖЭКа, как все они смотрят на меня, точнее – стараются делать вид, что не смотрят. И мне вспомнилось *то* ощущение страха из сна. Я не могу, не могу жить с этими людьми! Только неприятности, только беды. Им – неприятности, мне – беды. Да, Ленка права: это я выл, это всё во мне, во мне дело... Я закрыл глаза...

Клацнуло железо, дверь распахнулась, и первой закричала милая женщина. Конечно, это она закричала, потому что была слишком уверена, а старушки, напуганные милиционером, только охнули. На полу лежала пожилая женщина с изъеденным лицом и выеденным левым боком, рядом сидела уродливая дворняжка с невероятно огромной вислоухой мордой, толстым корпусом и причудливо короткими ногами. Собака смотрела на всех добрыми невинными глазами, которые принято называть собачьими.

Я проснулся в пять утра. Некоторое время я сидел на диване, сжавшись, словно меня ударили под дых. Потом я схватился за горло, зажимал рот, но всё же это прорвалось.

Господи! Какой это был звук! Куда той уродливой собачонке...

